

DOI: 10.31696/S086919080038784-9

САМОЗАНЯТОСТЬ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ В МЕГАПОЛИСАХ КАЗАХСТАНА
КАК ФАКТОР УСКОРЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ МИГРАЦИИ¹

© 2026

В.Ю. ДОДОНОВ ^а

^а – Институт философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, Алма-Ата, Казахстан
ORCID: 0000-0003-0741-417X; dodonovv@mail.ru

Резюме: В настоящее время в Казахстане идут активные процессы внутренней миграции, прежде всего, миграции из сельской местности в города. Активизация этих процессов вызвана как выталкивающими факторами, связанными с сокращающейся ролью сельского хозяйства в экономике, так и факторами притяжения мигрантов, такими, как лучшие возможности трудоустройства и более высокий уровень жизни в городской местности. Процессы внутренней миграции в Казахстане значительно ускорились в последние несколько лет, при этом основной поток мигрантов из сельской местности направлен в два мегаполиса страны – Алма-Ату и Астану. В этот же период в этих городах значительно возросла численность самозанятого населения, чего ранее не наблюдалось. Это позволило сделать предположение о том, что возросшие возможности трудоустройства в мегаполисах в качестве самозанятых стали новым и основным фактором притяжения для внутренних мигрантов в Казахстане. В свою очередь, быстрый рост численности самозанятых в мегаполисах может объясняться активными процессами внедрения информационных технологий (цифровизацией) в ряде ключевых отраслей сферы услуг, которые создают дополнительный спрос на рабочую силу, заполняемый, в том числе, мигрантами. Для оценки данных предположений в статье проведен сравнительный и корреляционный анализ показателей чистой миграции, численности самозанятого населения, отраслевой структуры рынка труда, количества организаций, использующих продажу товаров и услуг онлайн для двух мегаполисов Казахстана, а также некоторых других. Проведенный анализ позволил подтвердить гипотезу о влиянии процессов цифровизации на рост рынка труда в отраслях с высокой долей самозанятого населения и, как следствие – на ускорение процессов внутренней миграции, прежде всего, сельского населения в крупнейшие города страны. Исследование направленности внутренних миграционных потоков, кроме того, позволило квалифицировать процессы перемещения мигрантов из сельской местности Казахстана как мегаполилизацию, а не урбанизацию.

Ключевые слова: Казахстан, внутренняя миграция, сельские мигранты, мегаполизация, самозанятость, сфера услуг, цифровизация

Для цитирования: Додонов В.Ю. Самозанятость и цифровизация в мегаполисах Казахстана как фактор ускорения внутренней миграции. *Восток (Oriens)*. 2026. № 4. С. 182–197. DOI: 10.31696/S086919080038784-9

¹ Исследование выполнено за счет проекта программно-целевого финансирования КН МНВО РК BR27195711 «Социально-политические процессы в Казахстане (1980–2020): опыт демократизации и становления Справедливого государства».

The research was conducted as part of a project no. BR27195711 “Socio-political processes in Kazakhstan (1980–2020): the experience of democratisation and the establishment of a Fair State,” funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan.

SELF-EMPLOYMENT AND DIGITALIZATION IN KAZAKHSTAN'S
MEGACITIES AS A FACTOR OF INTERNAL MIGRATION ACCELERATION

© 2026

Vyacheslav Yu. DODONOV ^a

^a – Institute of Philosophy, Political Sciences and Religious Studies, Science Committee of the
Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan
ORCID: 0000-0003-0741-417X; dodonovv@mail.ru

Abstract: *Kazakhstan is experiencing intensive internal migration processes. They are caused by both push factors related to the shrinking role of agriculture and pull factors of better employment opportunities in urban areas. In Kazakhstan, the processes of internal migration, predominantly rural-urban migration, have significantly accelerated over the last few years. The main flow of migrants is directed to the country's two megacities, where the number of self-employed has increased significantly during the same period, which was not observed before. This allowed to propose the hypothesis that the growing opportunities to work as self-employed individuals have become a new and major pull factor for migrants. In turn, the active development of self-employment can be linked to the digitalization of some service industries, which has created an additional demand for a workforce that migrants fill. To assess these assumptions, the article conducts a comparative and correlational analysis of net migration indicators, the number of self-employed people, the sectoral structure of the labor market, and the number of organizations selling goods and services online for two megacities in Kazakhstan, as well as several others. The analysis confirmed the hypothesis that digitalization processes influence labor market growth in sectors with a high proportion of self-employed people and, as a result, accelerate internal migration, primarily of the rural population to the country's largest cities. The study of the direction of internal migration flows has also made it possible to qualify the processes of migrant movement from rural areas of Kazakhstan as megapolization rather than urbanization.*

Keywords: Kazakhstan, internal migration, rural migrants, megapolization, self-employment, service sector, digitalization

For citation: Dodonov V.Yu. Self-Employment and Digitalization in Kazakhstan's Megacities as a Factor of Internal Migration Acceleration. *Vostok (Oriens)*. 2026. No. 4. Pp. 182–197. DOI: 10.31696/S086919080038784-9

Внутренняя миграция в Казахстане в целом соответствует глобальным тенденциям и характеризуется ростом перемещения населения из сельской местности в городскую. Она происходит на фоне таких процессов, как урбанизация и изменения в отраслевой структуре занятости с постепенным сокращением числа занятых в сельском хозяйстве. В то же время, в последние несколько лет процессы внутренней миграции активизировались с заметным изменением некоторых их основных параметров. Значительно ускорилось сокращение занятости в сельском хозяйстве наряду с усилением концентрации внутренних мигрантов в двух крупнейших городах страны (Алма-Ате и Астане). Эти процессы происходят на фоне существенного увеличения числа самозанятых в этих двух городах, что дало основания выдвинуть гипотезу о взаимосвязи между ростом внутренней миграции в мегаполисы и распространением возможностей трудоустройства в качестве самозанятых работников, на что, в свою очередь, влияет быстрое распространение цифровых технологий в некоторых отраслях сферы услуг.

ВНУТРЕННЯЯ МИГРАЦИЯ В МЕГАПОЛИСЫ И САМОЗАНЯТОСТЬ: ЭВОЛЮЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ

Проблематика факторов и причин внутренней миграции подробно разработана многими авторами. Существует также и обширный массив работ по систематизации и иерархии причин миграции (помимо традиционного их подразделения на факторы притяжения и выталкивания), вплоть до схем, включающих более 150 их разновидностей [Czaika, Reinprecht, 2020]. Многообразие факторов внутренней миграции не отменяет преобладающей взаимосвязи между внутренней миграцией и рынком труда, особенно в отношении различий в оплате труда в разных регионах, в частности в сельской и городской местности. Данные различия с сопутствующей дифференциацией социальных условий служат основным катализатором внутренней миграции и наиболее широко исследуются многими авторами [Takashi, 2015; Шафоростова, 2020]. Процессы перемещения населения из сельской местности в города в поисках лучших условий труда и качества жизни, вызванные технологическими изменениями, изучались, начиная с XIX в., в Англии, где они были вызваны промышленной революцией [McQuillan, 1980]. Это явление сохранялось и развивалось с течением времени, периодически получая импульсы, связанные с появлением новых технологий, таких как распространение роботов [Berg et al., 2018; Zuo et al., 2024], или развитие информационно-коммуникационных технологий [Tabassum, 2020]. В настоящее время миграция из сельских районов в города рассматривается преимущественно в контексте урбанизации и лучших экономических возможностей в городах [Harris, Speare, 1986], главным образом на рынке труда [Green, 2017].

В вопросе о роли урбанизации в ускорении внутренней миграции важно отметить, что зачастую основной поток мигрантов направляется не просто в города, а в мегаполисы. Феномен мегаполизации был признан значительным катализатором внутренней миграции, особенно в странах Глобального Юга [Kгаas, 2007], причем некоторые авторы напрямую связывают этот процесс с оттоком населения из сельских районов [de Wenden, 2015]. Казахстан также переживает процесс ускоренного развития крупнейших городов, которое повышает их привлекательность для мигрантов благодаря таким факторам, как более развитые сферы трудоустройства, высокий уровень доходов и качества жизни [Гайсина и др., 2023]. Миграция в мегаполисы Казахстана приводит к улучшению доходов и социального статуса мигрантов [Danzer et al., 2013], что увеличивает миграционный поток в этом направлении, несмотря на то что государственные программы пытаются направить его в трудодефицитные регионы, а не в мегаполисы [Кусманова, Сейдуманов, 2021].

Одной из отличительных черт рынка труда мегаполисов, выступающей мощным фактором притяжения, является перспектива трудоустройства в качестве самозанятых, что особенно важно для низкоквалифицированных мигрантов из сельской местности. Подтверждением этого тезиса является распространенность самозанятости среди этнических меньшинств [Fairlie, Meyer, 1996; Clark, Drinkwater, 2000], в том числе мигрантов, для которых возможность такой формы трудоустройства является одним из факторов притяжения [Fisher, Lewin, 2018]. Влияние самозанятости на миграционные процессы в настоящее время активно изучается, причем результаты исследований зачастую противоречивы. В одних работах [Giambra, McKenzie, 2021] утверждается, что в ряде стран самозанятые менее склонны к миграции, чем наемные работники, в то время как другие [Manuel, 2024] заявляют о более высоком уровне самозанятости среди внутренних мигрантов. На наш взгляд, росту самозанятости в последние годы способствовала цифровизация, распространение которой в ряде отраслей и профессий, особенно в сфере услуг, привело к увеличению спроса на рабочую силу. Влияние цифровизации на миграционные процессы, особенно

после пандемии COVID-19, отмечается многими исследователями, но выводы по этому вопросу неоднозначны. Отмечается, в частности, влияние цифровизации на сокращение потребности в низкоквалифицированной рабочей силе и замене физической миграции специалистов виртуальной [Tsapenko, 2021], но также высказываются мнения об ускорении миграции из сельской местности в города вследствие таких проявлений цифровизации, как использование социальных сетей для поиска работы и интеграции мигрантов [Tulibaleka, Katunze, 2024]. Существуют также и достаточно экзотические гипотезы о роли цифровизации в миграционных процессах, например, о том, что она может способствовать миграции в обратном направлении – из городов в сельскую местность [Kneuepling et al., 2024].

ВНУТРЕННЯЯ МИГРАЦИЯ В КАЗАХСТАНЕ: СДВИГИ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

В Казахстане в последние годы наблюдается резкое ускорение внутренней миграции из сельской в городскую местность. С 2014 по 2024 гг. среднегодовое сальдо миграции из сельской местности составило 75 тыс. чел., это в полтора раза больше, чем в период 2003–2013 гг. (43 тыс.) [Бюро национальной статистики, 2025]. Пик миграции из сельской местности происходит в настоящее время – с 2019 по 2024 гг. отрицательное сальдо этой миграции составляло от 67 до 112 тыс. чел. с поступательным ускорением. С 2000 по 2024 гг. совокупное отрицательное сальдо миграции сельского населения составило 1565 тыс. человек [Бюро национальной статистики, 2025], что эквивалентно 7,2 % населения Казахстана в 2024 г. и 20 % сельского населения. Численность сельского населения, несмотря на значительную миграцию, не сокращалась, а росла (с 6452 тыс. человек в 2000 г. до 7510 тыс. человек в 2024 г. [Бюро национальной статистики, 2025]) за счет высокой рождаемости, однако доля сельского населения сокращалась. В 2010 г. сельское население составляло 45,6 % от общей численности, а в 2024 г. этот показатель сократился до 37 %.

Также происходило сокращение занятости в основной отрасли, в которой занято сельское население – сельское, лесное и рыбное хозяйство. Численность работников сельского хозяйства Казахстана долгое время была стабильной, составляя около 2,3 млн человек (что обеспечивало этой отрасли лидерство по числу занятых) на протяжении 2001–2010 гг., но затем началось быстрое ее сокращение. С 2010 по 2024 гг. занятость в сельском хозяйстве сократилась более чем в два раза – с 2,3 до 1,03 млн человек [Бюро национальной статистики, 2025]. Сокращение занятости в сельском хозяйстве на 1,3 млн человек можно рассматривать как обусловленное преимущественно внутренней миграцией, так как этот показатель достаточно близок к объему совокупного отрицательного сальдо миграции из сельской местности в эти годы – 971 тыс. человек. Эти данные подтверждают и итоги других исследований, которые показали, что преобладающей формой внутренней миграции остается миграция из сельских регионов в города [Серикжанова, Жанузакова, 2022]. Кроме того, быстрое сокращение занятости в сельском хозяйстве может свидетельствовать о том, что отток населения из сельской местности с 2010 г. является, прежде всего, трудовой миграцией, вызванной выталкивающими факторами отрасли, такими как сокращение рабочих мест и меньший уровень оплаты труда.

Последний фактор считается одним из основных в классических работах по миграции, которые отмечают, что по мере возрастания разрыва в уровне оплаты труда между городской и сельской местностью рабочая сила перемещается в современные городские отрасли [Fei, Ranis, 1964; Williamson, 1965]. Этот тезис подтверждается и при сравнительном анализе изменения численности занятых в сельском хозяйстве и динамике разрыва между средней по Казахстану заработной платой и зарплатой в сельском хозяйстве, корреляция между которыми составляет 0,97 (рис. 1). Значительный разрыв в оплате труда, превышавший 50 %

в начале рассматриваемого периода, мог стать фактором, выталкивающим работоспособное население из сельской местности.

Помимо выталкивающих факторов, миграцию из сельской местности принято связывать с факторами притяжения – преимуществами, которые дает проживание в городах. В большинстве исследований к ним относят лучшие возможности занятости и уровень жизни [Sugiyarto et al., 2019]. Эти факторы имеют еще большее значение в развивающихся экономиках, где стандарты жизни в сельской и городской местности значительно отличаются. По этой причине целью миграции из сельской местности становится улучшение условий проживания, доступ к более качественному здравоохранению [Resosudarmo et al., 2010], образованию [González Chapela et al., 2023] и повышение социального статуса [Stark, Taylor, 1991]. В то же время, общая тенденция «поиска сельскими мигрантами лучших экономических возможностей, особенно в больших и малых городах» [Harris, Speare, 1986, p. 225] в Казахстане не находит подтверждения, поскольку в данном случае миграция из сельской местности происходит не в городскую местность в целом, но преимущественно в два крупнейших города – Астану и Алма-Ату. Поэтому связывать миграцию из сельской местности с урбанизацией, по нашему мнению, не совсем корректно, правильное определять происходящие в Казахстане процессы увеличения городского населения как мегаполизацию. Сальдо внутренней миграции (рис. 2) также подтверждает этот тезис, так как показывает, что основной объем миграционного притока приходится на два мегаполиса, тогда как в городской местности без учета Астаны и Алма-Аты на протяжении большей части 2000–2024 гг. миграционное сальдо было отрицательным.

Аналогичная ситуация наблюдается и в динамике структуры численности населения, которая в определенной мере связана с миграционными потоками (рис. 3). С 2000 г. происходит увеличение доли городского населения, которая на начало 2025 г. достигла 63 % с соответствующим сокращением доли сельского населения – с 43,6 % до 37 %. Однако увеличение доли городского населения происходит за счет двух мегаполисов, поскольку доля остальных городов остается примерно на одном уровне (46,2 % в 2000 г., 44,1 % в 2024 г.). Совокупная же доля Астаны и Алма-Аты демонстрирует интенсивный рост с почти двукратным увеличением (10,1 % в 2000 г., 18,8 % в 2024 г.).

Таким образом, основным местом притяжения внутренних мигрантов, в том числе из сельской местности, в Казахстане выступают два мегаполиса, а не городская местность в целом. Случай Казахстана показывает, что сельская миграция происходит не под влиянием общих факторов притяжения, таких как стремление получить доступ к более развитой городской инфраструктуре и повысить уровень жизни, поскольку эти факторы действуют и в других городах, помимо мегаполисов. Миграция в мегаполисы, а не в городскую местность в целом, свидетельствует о том, что в Астане и Алма-Ате существуют специфические факторы притяжения для внутренних мигрантов. По нашему мнению, они связаны в первую очередь с рынком труда мегаполисов – прежде всего, его емкостью и более широкими возможностями трудоустройства. В Казахстане внутренняя миграция имеет преимущественно трудовой характер, что подтверждается тем, что почти 80 % внутренних мигрантов находятся в трудоспособном возрасте [Калиева, Мельдаханова, 2017]. Это подтверждают и результаты опросов об основных причинах миграции в Казахстане [International Organization for Migration, 2024]. Поэтому основным фактором притяжения для миграции в мегаполисы можно считать привлекательность их рынка труда.

При этом фактор размера оплаты труда не является основным, так как ни Астана, ни Алма-Ата не является регионами с самой высокой средней зарплатой, хотя она и превышает средний по Казахстану уровень. В 2024 г. Алма-Ата занимала пятое место среди двадцати регионов Казахстана по размеру средней зарплаты (491 тыс. тенге), а Астана –

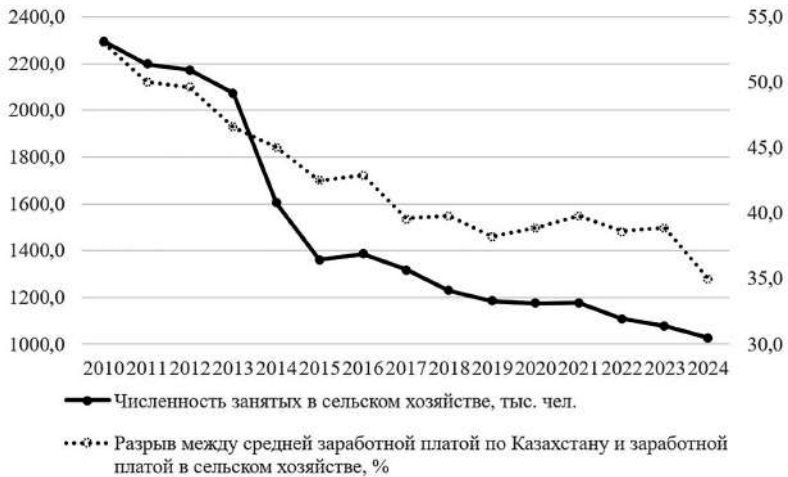

Рис. 1. Занятость в сельском хозяйстве и разрыв между средней заработной платой по Казахстану и заработной платой в сельском хозяйстве

(по: [Занятое население по ВЭД, 2025; Среднемесячная заработная плата, 2025])

Fig. 1. Agriculture employment and the wage gap between agriculture and average wages in Kazakhstan (based on: [Employed population by TEA, 2025; The average monthly nominal salary, 2025])

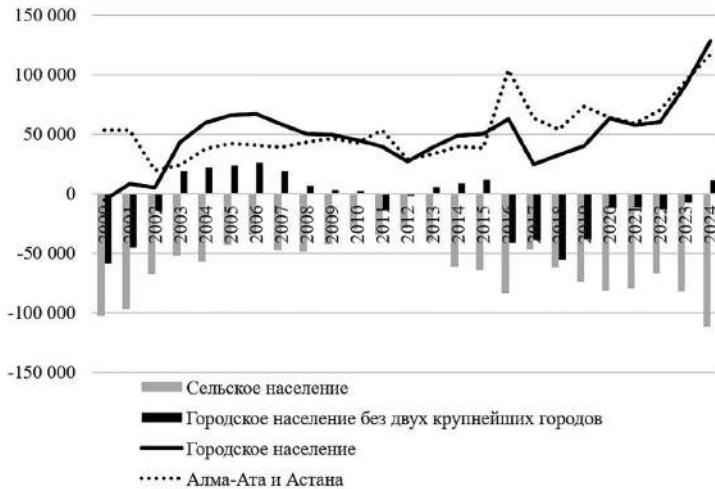

Рис. 2. Чистая миграция сельского и городского населения в Казахстане, человек (по: [Сальдо миграции, 2025])

Fig. 2. Net migration of rural and urban population in Kazakhstan, people (based on: [Balance of migration, 2025])

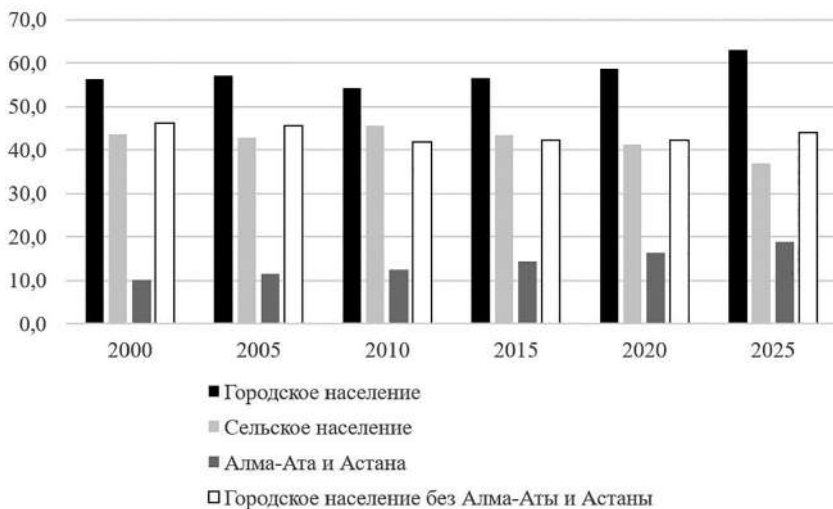

Рис. 3. Сельское и городское население Казахстана, % от общей численности населения на начало года (по: [Численность населения, 2025])

Fig. 3. Rural and urban population of Kazakhstan, % of the total population (based on: [Population (by years), 2025])

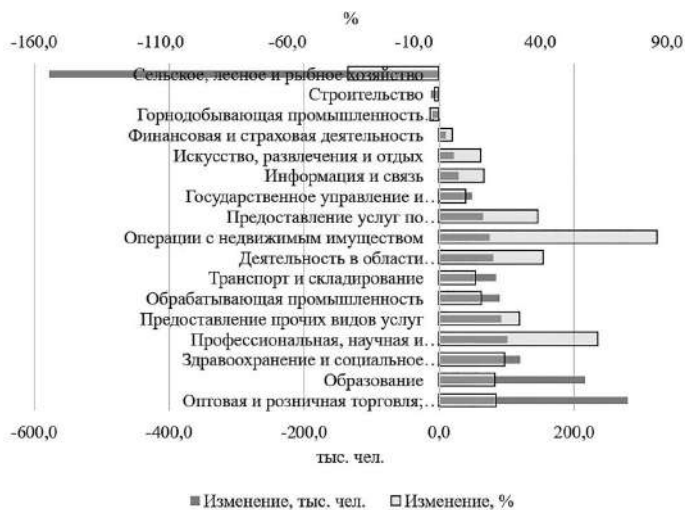

Рис. 4. Изменения в численности занятых по видам экономической деятельности в 2014–2024 гг. (по: [Занятое население по ВЭД, 2025])

Fig. 4. Change in the number of people employed in Kazakhstan by industry in 2014–2023 (based on: [Employed population by TEA, 2025])

третье (538 тыс. тенге). Эти показатели были выше среднего по Казахстану уровня (405 тыс. тенге), но значительно уступали регионам с максимальным уровнем средней зарплаты – Атырауской (633 тыс. тенге) и Мангистауской (581 тыс. тенге) областям [Бюро национальной статистики, 2025]. Это значит, что внутренних мигрантов привлекают не столько возможность получить максимальное вознаграждение, сколько доступность трудоустройства.

ОСОБЕННОСТИ РЫНКА ТРУДА МЕГАПОЛИСОВ КАЗАХСТАНА КАК ФАКТОР ПРИТЯЖЕНИЯ ДЛЯ ВНУТРЕННИХ МИГРАНТОВ

Доступность трудоустройства значительно выше в мегаполисах, как из-за больших размеров рынка труда, так и по причине быстрого роста спроса на рабочую силу в тех отраслях, в которых сельские мигранты могут относительно просто найти работу, не имея специальной квалификации. В данном случае имеет большое значение отраслевая структура рынка труда, так как мигранты, ранее занятые в сельском хозяйстве, имеют ограниченные навыки и устраиваются в отраслях, не требующих высокой квалификации. В этом плане показательны изменения, произошедшие в отраслевой структуре занятости Казахстана в 2014–2024 гг. (рис. 4). Занятость в сельском хозяйстве сократилась на 577 тыс. человек (на 36 %), а отраслями с максимальным увеличением занятых стала торговля (280 тыс. человек), образование (215 тыс. человек) и ряд других отраслей, где не требуется высокая квалификация – предоставление услуг по проживанию и питанию, транспорт и прочие услуги (в совокупности в трех этих отраслях занятость выросла на 243 тыс. человек).

Отраслевая структура занятости двух казахстанских мегаполисов характеризуется высоким удельным весом указанных отраслей и некоторых других, что можно рассматривать в качестве основного фактора притяжения для сельских мигрантов. Алма-Ата и Астана являются крупнейшими в Казахстане региональными рынками труда – и в целом (занимая, соответственно, первое и четвертое место по численности занятых), и в приоритетных для сельских мигрантов отраслях – строительстве, торговле, транспорте, услугах по проживанию и питанию (табл. 1), что подтверждается исследованиями Международной организации миграции: «из общего количества занятых мигрантов (94 %), большинство (39 %) работало в строительном секторе, 29 % – в торговле, 14 % – в сфере предоставления социальных и личных услуг» [International Organization for Migration, 2024].

Табл. 1. Роль двух крупнейших городов на рынке труда Казахстана в 2023 г.
(по: [Основные индикаторы рынка труда, 2025])

	Занятое население, чел.		Место по количеству занятых среди регионов Казахстана		Доля в общей численности занятых по Казахстану, %	
	Астана	Алма-Ата	Астана	Алма-Ата	Астана	Алма-Ата
Всего	658663	1045505	4	1	7,3	11,5
Обрабатывающая промышленность	34484	62236	6	2	5,2	6,
Строительство	75994	67905	1	2	11,5	6,5
Оптовая и розничная торговля; ремонт автомобилей и мотоциклов	104487	270965	5	1	15,9	25,9
Транспорт и складирование	41703	68056	4	1	6,3	6,5

Предоставление услуг по проживанию и питанию	23263	33363	2	1	3,5	3,2
Информация и связь	41838	47062	2	1	6,4	4,5
Финансовая и страховая деятельность	18374	60839	3	1	2,8	5,8
Операции с недвижимым имуществом	33255	31132	1	2	5,0	3,0
Профессиональная, научная и техническая деятельность	38998	66895	2	1	5,9	6,4
Образование	60135	114306	8	2	9,1	10,9
Предоставление прочих видов услуг	17754	34816	6	3	2,7	3,3

Астана и Алма-Ата также являются очень быстрорастущими рынками труда, что обуславливает их способность абсорбировать внутреннюю миграцию. С 2014 по 2024 гг. общая численность занятых в двух мегаполисах увеличилась на 572 тыс. человек, а во всем Казахстане – на 704 тыс. человек [Бюро национальной статистики, 2025]. То есть, в Алматы и Астане было создано более 81 % новых рабочих мест в стране, и это объясняет почему основной поток внутренних мигрантов направляется именно в эти два города. Важной особенностью занятости в двух мегаполисах является то, что она растет опережающими темпами именно в тех отраслях, в которых находят себе применение сельские мигранты, в частности, в торговле, транспорте (где учитываются и услуги такси), строительстве и других. Эти отрасли занимают лидирующие позиции в отраслевой структуре экономик мегаполисов Казахстана и в структуре занятости и продолжают развиваться опережающими темпами. Это ведет к тому, что соответствующие отрасли Алма-Аты и Астаны увеличивают свою долю в численности занятых в Казахстане, а также создают большое количество рабочих мест. Так, в 2014–2023 гг. почти половина увеличения численности занятых в двух городах пришлось на три привлекательные для мигрантов отрасли – торговлю, транспорт и строительство, в которых общий рост занятых составил 238 тыс. человек.

Таким образом, привлекательность двух мегаполисов определяется такими факторами притяжения, как большой размер рынка труда в целом, а также в тех отраслях, где сельские мигранты могут относительно просто найти работу, не требующую специальной квалификации. В этой связи возникает вопрос о том, какие факторы определяют возможности роста соответствующих отраслей в мегаполисах, и какие – упростили возможности трудоустройства неквалифицированных мигрантов, предопределившие резкое ускорение миграции из сельской местности в течение последних нескольких лет.

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ МИГРАЦИЕЙ, САМОЗАНЯТОСТЬЮ И ЦИФРОВИЗАЦИЕЙ

Наша гипотеза базируется на предположении, что такие факторы появились совсем недавно, и именно они вызвали ускорение миграции в течение последних лет, а основным из них стало увеличение возможностей samozанятости в ключевых для мигрантов отраслях мегаполисов. Данное предположение базируется на том, что именно в отраслях, привлекательных для сельских мигрантов, в Казахстане особенно велика доля samozанятых среди работников (рис. 5). Максимальный удельный вес samozанятых приходится на само сельское хозяйство, где ранее были заняты мигранты, а также на те отрасли, где они находят работу в мегаполисах – прочие услуги, торговля, транспорт, строительство. Высокий

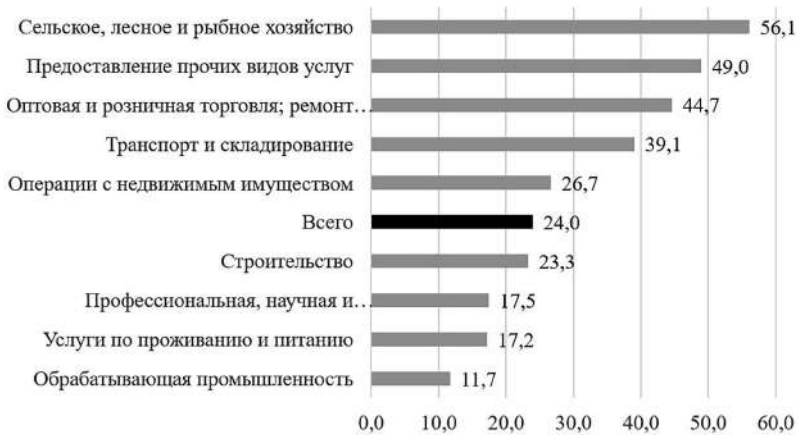

Рис. 5. Основные виды деятельности Казахстана по доле самозанятых в 2024 г., %
(по: [Самостоятельная занятость, 2024])

Fig. 5. Ranking of Kazakhstan's main industries by the share of self-employed workers in 2024, %
(based on: [Self-employed, 2024])

Рис. 6. Самозанятое население Алма-Аты и Астаны и чистая миграция в эти города
(по: [Самостоятельная занятость, 2024])

Fig. 6. The self-employed population of Almaty and Astana and the net migration to these cities
(based on: [Self-employed, 2024])

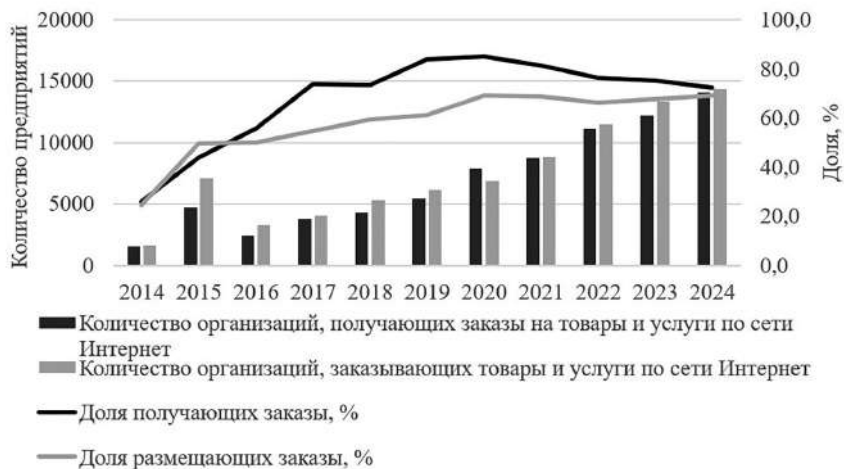

Рис. 7. Совокупное количество организаций Алма-Аты и Астаны, получающих и размещающих заказы онлайн и их доля в казахстанских показателях

(по: [Об использовании информационно-коммуникационных технологий, 2025])

Fig. 7. Combined number of enterprises in Almaty and Astana ordering and receiving orders for goods and services over the Internet

(based on: [On the use of information and communication technologies, 2025])

уровень самозанятости в этих отраслях делает комфортной работу в них для людей, которые и раньше были самозанятыми в сельской местности, а также упрощает процедуры ее получения. Такие специальности, как продавец, таксист, курьер, строительный рабочий не требуют от мигрантов не только специальных навыков, образования и квалификации, но и сложных процедур трудоустройства. Эти особенности выступают основным фактором притяжения и стимулируют ускорение миграции из сельской местности в мегаполисы.

Эта гипотеза подтверждается схожей динамикой показателей численности самозанятого населения двух мегаполисов, с одной стороны, и суммарным сальдо миграции для двух мегаполисов – с другой (рис. 6). Приведенные данные показывают не только резкое увеличение притока мигрантов в два мегаполиса в последние годы, но еще более интенсивную динамику численности самозанятого населения в этих городах, которая стала быстро расти с 2017 г. При этом, данный рост был специфическим для Алма-Аты и Астаны явлением, так как в Казахстане в целом в этот период численность самозанятых менялась незначительно, оставаясь в интервале 2,1–2,2 млн человек. Поэтому рост самозанятого населения в Алма-Ате и Астане сопровождался также и увеличением совокупной доли самозанятых в этих городах в общей численности самозанятого населения Казахстана.

Таким образом, в период с 2017 г. наблюдается усиление взаимосвязи между миграцией в казахстанские мегаполисы и численностью самозанятых. Ее можно оценить по изменению коэффициентов корреляции между численностью самозанятого населения в городах Алма-Ата и Астана и чистой миграцией в эти города. Мы рассчитали три коэффициента корреляции (Пирсона, Спирмена и Кендалла) для периода 2001–2024 гг. и для трех его

восьмилетних частей – 2001–2008, 2009–2016 и 2017–2024 гг. для проверки гипотезы о возникновении взаимосвязи между миграцией в мегаполисы и развитием в них рабочих мест для самозанятых. Результаты этих расчетов (табл. 2) показывают, что такая взаимосвязь действительно возникла только в последние годы, тогда как ранее она отсутствовала. В этой связи возникает вопрос о том, какой фактор стал причиной значительного увеличения самозанятости в Астане и Алма-Ате после 2017 г. На наш взгляд, основным фактором увеличения самозанятости в мегаполисах стала цифровизация.

Табл. 2. Значения различных коэффициентов корреляции между численностью самозанятого населения и совокупной чистой миграцией в Алма-Ату и Астану
(по: [Самостоятельная занятость, 2024])

	2001–2024	2001–2008	2009–2016	2017–2024
Коэффициент корреляции Пирсона	0,66	-0,17	0,10	0,83
Коэффициент ранговой корреляции Спирмена	0,47	-0,14	-0,05	0,71
Коэффициент ранговой корреляции Кендалла	0,32	-0,14	-0,07	0,57

В настоящее время Астана и Алма-Ата значительно превосходят по уровню распространения цифровых технологий другие регионы Казахстана. Совокупная доля двух мегаполисов в общем объеме различных показателей, характеризующих использование информационных и коммуникационных технологий (ИКТ), значительно превышает их долю в населении. В двух мегаполисах сосредоточено и основное количество ИКТ-специалистов, и организаций, использующих передовые информационные технологии, такие, как облачные вычисления или анализ больших данных; на эти города также приходится и основной объем корпоративных расходов на внедрение ИКТ.

Алма-Ата и Астана всегда были лидерами в сфере цифровизации, но в последние годы прогресс в этой сфере значительно ускорился, так как в этих городах показатели использования ИКТ-технологий росли темпами, существенно опережающими средние по Казахстану. В результате, два мегаполиса значительно увеличили свою долю в ряде важных сфер применения цифровых технологий: например, количество организаций, использующих интернет, в 2014 г. в Астане составляло 9,2 %, в Алматы – 20,3 %, а в 2023 г., соответственно, 21,4 % и 28,4 %. Еще более значительно увеличилась в мегаполисах цифровизация тех сфер, которые, по нашему мнению, и повлияли на увеличение самозанятости – количество организаций, заказывающих и принимающих заказы онлайн. За последние десять лет количество таких организаций в Алматы выросло в 7–8 раз, а в Астане – в 9–10 раз. В результате, с 2014 по 2024 гг. доля Астаны в количестве организаций, получающих заказы онлайн, увеличилась с 7,1 % до 19,3 %, а в количестве организаций, размещающих заказы онлайн – с 8,5 % до 20,7 %. Доля Алматы в этих же показателях выросла, соответственно, с 18,9 % до 53,1 %, и с 16,1 % до 48,5 % [Бюро национальной статистики, 2025]. Совокупные для двух мегаполисов показатели приведены на рис. 7 и отражают бурные темпы роста продаж товаров и услуг онлайн в этих городах.

Данные на рис. 7 показывают, что активизация процесса цифровизации поставок и заказов в казахстанских мегаполисах происходит с 2017 г., что совпадает с началом рассмотренного выше периода резкого роста самозанятости в Алматы и Астане, а также значительного ускорения притока внутренних мигрантов в эти два города. На наш взгляд, это совпадение обусловлено тем, что цифровизация начала активно развиваться в крупных отраслях сфе-

ры услуг, таких как торговля, транспорт, общественное питание (где сосредоточено более половины всех предприятий, принимающих заказы онлайн). Именно эти отрасли являются основным местом трудоустройства внутренних мигрантов, а цифровизация создала в них дополнительные рабочие места, в том числе для самозанятых, за счет резкого роста спроса на такие специальности, как доставщики, сотрудники пунктов выдачи заказов, водители такси, курьеры. Кроме того, увеличился спрос и на традиционные профессии в этих и других отраслях сферы услуг, где активно развивается интернет-торговля – например, бурный рост таких направлений, как онлайн покупка готовой еды, интернет-торговля через маркетплейсы, доставка товаров на дом из обычных магазинов – увеличили объемы продаж в этих отраслях и спрос на низкоквалифицированных работников, что стало фактором притяжения для внутренних мигрантов и усилило миграцию из сельской местности в мегаполисы.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что резкое ускорение внутренней миграции в Казахстане в последние годы, прежде всего – миграции из сельской местности в два крупнейших города, было связано с ростом возможностей трудоустройства в качестве самозанятых, которые, в свою очередь, появляются на основе массового внедрения цифровых технологий в ряде крупных отраслей сферы услуг. Основным инструментом цифровизации, стимулирующим развитие новых форматов занятости и бурный рост спроса на некоторые специальности, доступные мигрантам, является онлайн-торговля товарами и услугами, которая, с одной стороны, создает дополнительные рабочие места в сфере обеспечения приема и доставки заказов, и с другой стороны – стимулирует рост данных отраслей и занятость в них сотрудников традиционных специальностей. Обратной стороной ускоряющейся миграции в мегаполисы, стимулируемой указанными факторами, является быстрое сокращение занятости в сельском хозяйстве, а также снижение численности сельского населения и его доли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. 2025 [Bureau of National Statistics of Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. 2025 (in Russian)]. <https://stat.gov.kz/ru/> (дата обращения: 20.07.2026).

Гайсина С.Н., Чуланова З.К., Джумашев Н.М. Социально-экономические риски внутренних миграционных процессов и их влияние на социально-территориальную мобильность населения Казахстана. *Economy: Strategy and Practice*. 2023. No. 3. С. 174–188 [Gaysina S.N., Chulanova Z.K., Dzhumashev N.M. Socio-Economic Risks of Internal Migration Processes and Their Impact on the Socio-Territorial Mobility of the Population of Kazakhstan. *Economy: Strategy and Practice*. 2023. No. 3. Pp. 174–188 (in Russian)].

Занятое население по ВЭД. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. 2025 [Employed population by TEA. Bureau of National Statistics of Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. 2025 (in Russian)]. <https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-empt-unempl/> (дата обращения: 26.11.2025).

Калиева С.А., Мельдаханова М.К. Особенности трудовой миграции в Республике Казахстан. *Общество и экономика*. 2017. № 9. С. 150–171 [Kalieva S., Mel'dakhanova M. Features of labor migration in the Republic of Kazakhstan. *Society and economy*. 2017. No. 9. Pp. 150–171 (in Russian)].

Кусманова А., Сейдуманов С.Т. Особенности процессов внутренней миграции и формирование новых центров притяжения внутренних мигрантов в Казахстане. *Казахстан-Снектр*. 2021. № 1. С. 54–68 [Kusmanova A., Seidumanov S.T. Features of Internal Migration Processes and the Formation

of New Centers of Attraction for Internal Migrants in Kazakhstan. *Kazakhstan-Spectrum*. 2021. No. 1. Pp. 54–68 (in Russian)].

Об использовании информационно-коммуникационных технологий на предприятиях Республики Казахстан. *Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан*. 2025 [On the use of information and communication technologies at enterprises of the Republic of Kazakhstan. *Bureau of National Statistics of Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan*. 2025 (in Russian)]. <https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-it/> (дата обращения: 1.12.2025).

Основные индикаторы рынка труда по регионам РК. *Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан*. 2025 [The main indicators of the labor market by regions of Kazakhstan. *Bureau of National Statistics of Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan*. 2025. (in Russian)]. <https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-empt-unempl/> (дата обращения: 28.11.2025).

Сальдо миграции по всем потокам (по годам). *Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан*. 2025 [Balance of migration for all flows (by years). *Bureau of National Statistics of Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan*. 2025. (in Russian)]. <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/dynamic-tables/> (дата обращения: 26.11.2025).

Самостоятельная занятость. *Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан*. 2024 [Self-employment. *Bureau of National Statistics of Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan*. 2024. (in Russian)]. <https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-empt-unempl/spreadsheets/?year=&name=19126&period=&type=> (дата обращения: 20.11.2025).

Серикжанова С.С., Жанузакова А.А. Мотивы внутренней миграции населения в Казахстане: сравнительный анализ на примере трех крупнейших городов. *Вестник КазНУ. Серия психологии и социологии*. 2022. № 2. С. 219–230 [Serikzhanova S.S., Zhanuzakova A.A. Motives of internal migration in Kazakhstan: a comparative analysis on the example of three large cities. *The Journal of Psychology and Sociology*. 2022. No. 2. Pp. 219–230 (in Russian)].

Среднемесячная заработная плата по видам экономической деятельности в Республике Казахстан. *Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан*. 2025 [The average monthly nominal salary of employees according to the structure of the wage fund by type of economic activity. *Bureau of National Statistics of Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan*. 2025. (in Russian)]. <https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-wags/dynamic-tables/> (дата обращения: 27.11.2025).

Численность населения (по годам). *Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан*. 2025 [Population (by years). *Bureau of National Statistics of Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan*. 2025. (in Russian)]. <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/dynamic-tables/> (дата обращения: 26.11.2025).

Шафоростова С.Н. Мотивы миграции молодежи из сельской местности в города. *Социология в современном мире: наука, образование, творчество*. 2020. № 12. С. 162–164 [Shafarostova S.N. Motives for Youth Migration from Rural Areas to Cities. *Sociology in the modern world: science, education, creativity*. 2020. No. 12. Pp. 162–164 (in Russian)].

Berg A., Buffie E.F., Zanna L-F. Should We Fear the Robot Revolution? (The Correct Answer is Yes). *Journal of Monetary Economics*. 2018. Vol. 97. Pp. 117–148.

Clark K., Drinkwater S. Pushed out or pulled in? Self-employment among ethnic minorities in England and Wales. *Labour Economics*. 2000. Vol. 7(5). Pp. 603–628.

- Czaika M., Reinprecht C. Drivers of Migration: a Synthesis of Knowledge. *IMI Working Paper Series*. 2020. Vol. 163. Pp. 1–45.
- Danzer A.M., Dietz B., Gatskova K., Schmillen A. Showing off to the New Neighbors? Income, Socioeconomic Status and Consumption Patterns of Internal Migrants. *IOS Working Papers*. 2013. No. 330. <https://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:101:1-201307308949> (assessed 12.06.2025).
- de Wenden C.W. Migrations in the Mediterranean Region. *IEMed Mediterranean Yearbook 2015*. <https://www.iemed.org/publication/migrations-in-the-mediterranean-region/> (assessed 12.06.2025).
- Fairlie R.W., Meyer D.B. Ethnic and Racial Self-Employment Differences and Possible Explanations. *Journal of Human Resources*. 1996. Vol. 20. Pp. 757–793.
- Fei J.C.H., Ranis G. Development of the Labour Surplus Economy: Theory and Policy. *The Economic Journal*. 1967. Vol. 77. Pp. 346–349.
- Fisher M., Lewin P.A. Push and Pull Factors and Hispanic Self-Employment in the USA. *Small Business Economics*. 2018. Vol. 51. Pp. 1055–1070.
- Giambra S., McKenzie D. Self-employment and Migration. *World Development*. 2021. Vol. 141, 105362.
- González Chapela J., Jiménez-Martín S., Vall Castello J. Education and Internal Migration: Evidence from a Child Labor Reform in Spain. *SERIEs*. 2023. Vol. 14. Pp. 143–164.
- Green A. Understanding the Drivers of Internal Migration. Eds.: T. Champion, T. Cooke, I. Shuttleworth. *Internal Migration in the Developed World: Are We Becoming Less Mobile?* Routledge. 2017. Pp. 31–55.
- Harris J., Speare A. Education, Earnings, and Migration in Indonesia. *Economic Development and Cultural Change*. 1986. Vol. 34. Pp. 223–244.
- International Organization for Migration (IOM), Jul 17 2024. *DTM Kazakhstan – International Migrant Workers Survey (Round 3)*. IOM, Kazakhstan. <https://dtm.iom.int/reports/kazakhstan-international-migrant-workers-survey-round-3> (assessed 23.07.2025).
- Knuepling L., Sternberg R., Otto A. Rural Areas as Winners of COVID-19, Digitalization and Remote Working? Empirical Evidence from Recent Internal Migration in Germany. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. 2024. Vol. 18. Pp. 227–248.
- Kraas F. Megacities and Global Change in East, Southeast and South Asia. *ASIEN – The German Journal of Contemporary Asia*. 2007. No. 4. Pp. 9–22.
- Manuel N. Migration and Self-Employment: the Case of Internal Migrants. *Journal of Business Economics*. 2024. Vol. 94. Pp. 613–637.
- McQuillan K. Economic Factors and Internal Migration: The Case of Nineteenth-Century England. *Social Science History*. 1980. No. 4. Pp. 479–499.
- Resosudarmo B.P., Suryahadi A., Purnagunawan R., Yumna A., Yusrina A. The Socioeconomic and Health Status of Rural-Urban Migrants in Indonesia. X. Meng, C. Manning, L. Shi, T.N. Effendi (eds.) *The Great Migration: Rural-Urban Migration in China and Indonesia*. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar Publishing, 2010. Pp. 178–193.
- Stark O., Taylor J.E. Migration Incentives, Migration Types: the Role of Relative Deprivation. *The Economic Journal*. 1991. Vol. 101. Pp. 1163–1178.
- Sugiyarto E., Deshingkar P., McKay A. Internal Migration and Poverty: A Lesson Based on Panel Data Analysis from Indonesia. K. Jayanthakumaran, R. Verma, G. Wan, E. Wilson (eds.) *Internal Migration, Urbanization and Poverty in Asia: Dynamics and Interrelationships*. Singapore: Springer, 2019. Pp. 117–141.
- Tabassum S., Eapen L.M. Nature of internal labor migration in India: do education and digitalization matter? *Digital transformation of society, economics, management and education: Proceedings of the III International Conference*. Ekaterinburg: Ural Federal University, 2020. Pp. 267–283.
- Takashi H. Measuring rural-urban disparity with the genuine progress indicator: A case study in Japan. *Ecological Economics*. 2015. Vol. 120. Pp. 260–271.
- Tsapenko I.P. Forced Mobility and Immobility in a Turbulent World. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2021. Vol. 91. Pp. 525–534.

Tulibaleka P.O., Katunze M. Rural-Urban Youth Migration: the Role of Social Networks and Social Media in Youth Migrants' Transition into Urban Areas as Self-employed Workers in Uganda. *Urban Forum*. 2024. Vol. 35. Pp. 329–348.

Williamson J.G. Regional Inequality and the Process of National Development: A Description of Patterns. *Economic Development and Cultural Change*. 1965. Vol. 13. Pp. 3–47.

Zuo M., Zhao Y., Yu S. Industrial Robot Applications and Individual Migration Decision: Evidence from Households in China. *Humanities and Social Sciences Communications*. 2024. Vol.11, 1022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ДОДОНОВ Вячеслав Юрьевич – доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, Алма-Ата, Казахстан.

Vyacheslav Yu. DODONOV, DSc (Economics), Chief Research Fellow, Institute of Philosophy, Political Sciences and Religious Studies, Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan.